

**Протоиерей Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия, преподаватель СПДС,
председатель Епархиальной комиссии по канонизации
подвижников благочестия Саратовской епархии**

К ВОПРОСУ О «СЕРГИАНСТВЕ» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Если говорить об уроках минувшего столетия, то хотелось бы прежде всего сказать об опыте церковно-государственных отношений страшного XX века. Одна из основных проблем в этих отношениях — так называемое «сергианство», под которым понимается позиция, занимаемая Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и духовенством, находившимся с ним в каноническом общении. Позиция, направленная на сохранение легальных форм церковной жизни, пусть и в условиях церковного гетто.

Начало «сергианства» обычно связывается с изданием 29 июля 1927 года Послания Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти», в церковно-исторической и публицистической литературе обычно именуемого «Декларацией 1927 года».

Безусловно, этот документ является одним из самых пререкаемых за всю новейшую историю Русской Православной Церкви. Конечно, издание подобного документа было вызвано прежде всего необходимостью получения так называемой легализации, без которой гражданские власти не признавали законность существования ни Высшего церковного управления, ни епархиальных органов церковной власти, а Русской Православной Церковью официально

считали обновленческую схизму. При отсутствии официальной регистрации правящих архиереев и епархиальных советов само их существование рассматривалось властями как незаконное и служило основанием для репрессий.

Но издание «Декларации» вызвало в церковном народе и духовенстве замешательство. И по сей день «Декларация 1927 года» остается документом, вызывающим споры. Еще в октябре 1990 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, обращаясь к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви, писал: «...отдавая дань глубокого уважения памяти Патриарха Сергия и с благодарностью вспоминая его борьбу за выживание нашей Церкви в тяжелые для нее годы гонений, мы тем не менее вовсе не считаем себя связанными его Декларацией 1927 года, сохраняющей для нас значение памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи»¹.

Что же до современников митрополита Сергия, то наибольшее недовольство у критиков «Декларации» вызывала фраза: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»². Эту

¹ Воззвание Архиерейского Собора к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://mospat.ru/archive/page/sobors/1990-2/537.html> (дата обращения: 05.11.2016). Загл. с экрана.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 510.

фразу переиначивали в саморазоблачительное выражение: «Ваши (т. е. советской, безбожной власти.— *Авт.*) радости — наши радости, ваши скорби — наши скорби»³, утверждая, что авторы «Декларации» приветствуют успехи советского правительства, в том числе связанные и с распространением атеизма в народе. Хотя в «Деянии Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода» от 29 марта 1928 года митрополит Сергей разъяснял, что под успехами, упомянутыми в «Декларации», подразумевалось внешнее благополучие, например хороший урожай, а под неудачами — голод и другие народные бедствия⁴, ему не верили.

Понять критиков «Декларации» можно. Прежде всего, это люди, у которых отняли Родину. Причем они — не только эмигрантское духовенство. Это и граждане СССР. Так, священномученик епископ Дамаскин (Цедрик) обратился к митрополиту Сергию с резкими словами: «За что благодарить? За неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преподобного Серафима, а еще ранее останки святых Феодосия, Митрофана, Тихона и Иоасафа подверглись невероятному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля? За кровь митрополита Вениамина и других убиенных? За что?..»⁵. Мироощущение этих людей апокалиплично. России уже нет, есть царство антихриста, и самая суть его — это *тайна беззакония* (2 Фес. 2, 7), уничтожение основополагающих принципов человеческого общежития, извращение правды, которая одна только и позволяет человеку оставаться человеком. Александр

³ Там же. С. 598.

⁴ См.: Там же.

⁵ Священномученик Дамаскин, епископ Стародубский [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4797.htm> (дата обращения: 05.11.2016). Загл. с экрана.

Владимирович Журавский очень точно охарактеризовал эту богословскую позицию как «антисоветский эсхатологизм»⁶.

Причем в массовом сознании «сергианство» часто ассоциировалось и ассоциируется с попранием внутренней свободы Церкви, а то и с изменой Христу. Также нередко можно встретить мнение о том, что «сергианские» пастыри своей лояльностью купили себе жизнь и безопасность. В лучшем случае к «сергианству» относятся снисходительно как к политике церковно-политических компромиссов, понимая его вынужденную необходимость. В худшем случае словосочетание «сергианская церковь» обозначает некое безблагодатное общество.

И пожалуй, мало кто решится предположить искренность «сергианства». То есть вопрос мной ставится так: «Может ли "сергианство" быть образом веры?». Был ли человек, который во мраке богоборческой советской действительности увидел правду?

Такой человек был. Это иеросхимонах Никандр (Сапожников)⁷.

Сапожников Николай Петрович, 19.02.1891 года рождения, уроженец села Контакузовка Вознесенского района Одесской области, русский. Окончил Елисаветградское духовное училище, Одесскую духовную семинарию, Москов-

---

⁶ См.: *Журавский А.В.* Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // *Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы.* 2000. № 1. С. 350.

⁷ И был он, конечно, не одинок. Епископ Вениамин (Федченков), например, писал в своем литургическом дневнике (запись за 6/19 сентября 1927 г.): «После обедни я читал второй раз послание митрополита Сергия... И дивное дело: оно так понравилось мне своей внутренней правдой, так отраднo было душе моей. И куда делось некоторое смущение, которое я испытал отчасти при первом чтении! Дивно! Признаюсь, я намеренно даже откладывал это чтение и именно после литургии стал сразу читать — во благодати... И принял, принял!» (цит. по: *Вениамин (Федченков), митр. Святой сорокоуст: Мысли по поводу указов митрополита Сергия* // *К свету.* 1994. Вып. 13: Патриархи смутных времен. С. 20).

скую Духовную Академию в 1915 году кандидатом богословия. На третьем курсе Академии, 1.09.1913 года, принял монашество с именем Никита. 8.09.1913 года рукоположен во иеродиакона, 7.09.1914 года — во иеромонаха. В мае 1915 года награжден набедренником. По окончании Академии преподавал канонику, литургику, гомилетику и церковную археологию в Самарской духовной семинарии до ее закрытия в 1918 году. С 1918 по 1927 год состоял приходским священником: в Иоанно-Предтеченской церкви города Самары, что на 7-й просеке, в Михаило-Архангельской церкви села Колдыбани того же района Самарской области, в Воскресенской церкви города Чернигова и снова в селе Колдыбани. С 1927 по 1956 год с небольшими промежутками, но в общей сложности полных 27 лет или провел в ссылке, или содержался в тюрьмах и лагерях.

То, что отец Никандр выжил, проведя 27 лет в сталинских ссылках и лагерях, — безусловное чудо. Но еще большим чудом является то, что он не утратил искренней, чистой веры в правду. А может быть, приобрел ее опытом исповедничества? Дело в том, что автору этого сообщения, по должности председателю Епархиальной комиссии по канонизации подвижников благочестия, представилась возможность ознакомления с множеством архивно-следственных дел в отношении священнослужителей и мирян, за веру пострадавших. Это очень специфические исторические источники — как правило, малоинформативные и сухие — стандартные обвинения и стандартный приговор. Суд был скорый и неправый. Единственное, что придает им индивидуальную неповторимость, — это поведение обвиняемых. Но и тут прослеживаются закономерности: если во время первого ареста на следствии обвиняемый еще пытался доказать свою невиновность, то во время второго и тем более третьего (кто дожил!) ареста обвиняемые, как правило, уже ничего не пытаются доказать или объяснить. Они прекрасно понимают, что

попали в жернова безжалостной машины по истреблению людей и вырваться из этого механизма в принципе невозможно.

На этом фоне просто удивительным представляется следственное дело последней, пятой (!), 1946 года, судимости иеросхимонаха Никандра (Сапожникова).

Лагерным начальством было сфабриковано дело по обвинению отца Никандра в том, что он «являлся членом контр-революционной организации, систематически среди лагерного контингента колонии проводил антисоветскую агитацию, направленную против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, клеветал на жизнь трудящихся в СССР, восхвалял технику иностранных государств, предсказывал неизбежность войны, высказывал клеветнические измышления по адресу стахановского метода работы, призывал к невыполнению плана»⁸.

Обвинение построено на клевете сообщников из числа заключенных во главе с бригадиром, который, по словам отца Никандра, «покаялся, что пришьет ему второй срок»⁹. Сам отец Никандр так описывает обстоятельства своей пятой судимости: «Что касается своры лжесвидетелей, то основное, подкупающее в их пользу, преимущество заключается в том, что их — много. Но в то время и в тех условиях, когда я был судим, опер/уполномоченный, если бы ему то было нужно, мог бы нанять их без особого труда, и вдвое, и втрое больше. Ведь, время было послевоенное, страна наша была во всех отношениях обескровлена и истощена до последней степени, ввиду чего в продуктах, не то что в лагерях, а и на воле, была скудость, основной контингент лагерной массы — преступники, потерявшие стыд и совесть, а для создания в лагере заключенных подобного моему “дела” как раз и нужны такие “свидетели”, и ими “хоть пруд пруди”. Если для них

⁸ Архив УФСБ по Саратовской обл. Д. ОФ-21081. Л. 166.

⁹ Там же. Л. 132.

в том есть какая-то корысть, то они не откажутся быть “свидетелями” в каких угодно клеветах, особенно же, если за спиной есть заплата. А корысть — явная, есть и защита надежная, потому что в те времена оп./уполномоченный в лагере был фактически едва ли не сильнее и начальника лагеря, хотя все творилось под маркой закона. В его руках было все: и на легкую, “блатную”, работу поставить, и сытым куском обеспечить и прем/вознаграждение выписывать, и аттестацию для преждевременного освобождения дать... А что еще больше нужно заключенному? И как не льститься на такой “лакомый кусок”? Вот из такого-то сорта людей и была составлена против меня коалиция “свидетелей”. Но разве можно доверять им, принимая во внимание их множество, сколько бы их ни было?»¹⁰.

Вот тут в материалах архивно-следственного дела и раскрывается удивительный внутренний мир отца Никандра. Он не просто отрицает все обвинения, он ищет правды в системе, в которой ее по определению быть не может, и уж он-то, имея за плечами четыре судимости, должен это знать.

Он пишет жалобу в Судебную коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР: «...во-первых, обвинения клеветников в корне уничтожаются догматической основой моего отношения к соввласти, выраженной в словах 12 гл. послания Св. Ап. Павла к Римлянам¹¹: “Всякая душа да повиновется предрержащим властям, ибо нет власти, как не от Бога, существующие же власти Богом поставлены. Поэтому противящийся власти противится Богу. А потому должно повиноваться власти не только из-за страха, а и по совести”. Как я могу быть противником Соввласти, будучи твердо убежден, что, противясь ей, я противлюсь Богу? Эти слова начертаны золотыми буквами на моем идейном знамени.

¹⁰ Там же. Л. 323–332.

¹¹ На самом деле Рим. 13. О. Никандр пишет жалобу в Судебную коллегия, находясь в заключении, где, по понятным причинам, не было Нового Завета. Он цитирует его по памяти.

И я душу свою готов и рад всегда за них положить, чтобы на них, как на незыблемом — не людьми, а Самим Богом положенном — фундаменте, строить жизнь мою и ближних моих. Всякий противный этому образ мыслей отвергаю, как лживый и вредный для жизни и спасения вечного»¹².

Я не вижу оснований сомневаться в искренности слов отца Никандра. Не такова была жизнь этого человека, чтобы можно было заподозрить его в конформизме. Его жизнь и его, как он сам выражается, догматическая (!) позиция являются прекрасным ответом критикам «сергианства».

Приговор лагерного суда Судебной коллегией был оставлен без изменений. 8 декабря 1954 года прокуратура Саратовской области пересматривает дело и тоже оставляет приговор без изменений «за отсутствием оснований»¹³.

Отец Никандр отсидел свои очередные 10 лет.

Однако правда, к которой он стремился всю свою жизнь, должна была восторжествовать. В 1964 году отец Никандр пишет «Прошение Прокурору Саратовской области»: «Я с самого зарождения этого “дела” и поныне трублю, не переставая, что все оно, как в целом, так и во всех подробностях своих, — сплошная, стопроцентная, необузданная лагерная клевета, в которой нет правды и на ломаный грош... А между тем, Советская Юрисдикция, перебрасывая лишь эту клевету из одного своего ящика в другой, в ответ на мои неумолкаемые протесты, одно только говорит мне, в унисон с клеветниками, устами своих представителей: “для пересмотра дела нет оснований”... Однако я не теряю надежды на победу истины над ложью. И так как весь ход этого дела уже достаточно показал, что без меня, единственной, оставшейся еще неоправданной, жертвы этой клеветы, разоблачение и победа над ней невозможна, то я и обращаюсь еще к Вам с неотступной просьбой: прежде рассмотрения этого “дела” Про-

¹² Архив УФСБ по Саратовской обл. Д. ОФ-21081. Л. 166–171.

¹³ Там же. Л. 188.

куратурой Саратовской области допустить меня к архивным документам его для ознакомления с ними, прекратив на это время прокураторное исследование его. А так как поездка из-за этого в Саратов сопряжена для меня со многими препятствиями и неудобствами (хотя бы потому, что теперь — зима и мне 74-й год) и непосильными для 30-ти рублевого пенсионера расходами, то я прошу Вас выслать мое “дело” 1946 года в Областную Прокуратуру г. Куйбышева, где мне будет гораздо удобнее ознакомиться с ним. В крайнем случае, если Вы не вышлете их сюда, то я, с большим трудом преодолев эти препятствия, приеду и в Саратов...»¹⁴.

Следом отец Никандр пишет заявление в управление КГБ по Куйбышевской области: «В дополнение к моим показаниям по моему “делу”, за 1946 г., данным мною на допросе 4 и 5 Марта 1965 г., прошу приложить и следующие:

Ни на суде надо мною в 1946 г., ни на двух, предшествовавших этому, пересмотрах его не были приняты во внимание самые существенные, больше всех прочих способствующие объективному выявлению моей политической физиономии, обстоятельства.

На первом среди них месте стоит моя идеология, основной смысл которой в отношении к данному вопросу конкретно сводится к тому, что я — во-первых, принадлежу, как постоянный член, к тому общественному организму, который называется Русской Православной Христовой Церковью, в настоящее время возглавляемой “Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием”, так официально именуемым, — а во-вторых, что я в этой организации, на протяжении всей моей самостоятельной жизни, — не просто рядовой член, а глубоко убежденный активный деятель ее, ставший таковым еще с 1913 года и имеющий сан Иеромонаха.

Соль первого обстоятельства заключается в том, что Русская Православная Церковь, с самого зарождения у нас в России

---

¹⁴ Там же. Л. 216–221.

Советского Государства в 1917 году, находится в нем на положении не какого-то подпольного и враждебного ему, а кровно-близкого, народного и потому легального учреждения.

Юридическое же право на такое положение ее в нем дает ей основной в этом отношении, исконный догмат ее о покорности “предержащим властям”, покорности не только за страх, а и за совесть, — покорности не только властям верующим и христианским, но и неверующим и антихристианским, как Самим Богом, через людей, во всем мире и государствах его, во все времена державно поставляемым, по, не всегда для нас понятным, но всегда премудрым, праведным и добрым судьбам Его, еще прежде создания Им мира и человека начертанным, по предведению в Предвечном Троичном Совете Его. Ввиду этого, по смыслу учения Православной Церкви, “нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению” (Послание к Римлянам, глава 16, ст. 1–2). А если так, то от Бога — и Советская Власть. Значит, в пределах ее компетенции должно и ей беспрекословно повиноваться.

Но, поскольку я — член Православной Церкви, то этот догмат есть один из основных членов и моего личного мировоззрения»¹⁵.

В конце концов иеросхимонах Никандр (Сапожников) добился правды, которой жил и которую искал всю жизнь. Постановлением Пленума Верховного суда СССР «Приговор специального лагерного суда ИТЛиК УМВД Саратовской области от 12 октября 1946 года и определение судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного Суда СССР от 27 декабря 1946 года в отношении САПОЖНИКОВА Николая Петровича отменен и дело о нем на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР Производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления»¹⁶.

¹⁵ Архив УФСБ по Саратовской обл. Д. ОФ-21081. Л. 330.

¹⁶ Там же. Л. 380–382.